

УДК: 343 (091)

DOI: 10.18101/2305-753X-2020-2-11-17

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ
О ДАЛЬНЕЙШЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИЛИ ОТМЕНЕ
ИНСТИТУТА ССЫЛКИ И КАТОРГИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

© **Хармаев Юрий Владимирович**

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

kharmaev@mail.ru

Аннотация. В конце XIX — начале XX в. в Российской империи возобновились споры о необходимости окончательной отмены института ссылки и каторги как вида наказания. Это привлекло внимание не только юристов-правоведов, но и передовую часть общества (интеллигенцию), в том числе известных русских писателей А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, В. М. Дорошевича, С. В. Максимова и др. В своих трудах авторы вольно или невольно отразили влияние ссылки и каторги на состояние российского общества в целом по стране и конкретным окраинным территориям (Сибирь, Забайкалье, Сахалин). Аргументы за и против рассматриваемого института отчетливо показывают стремление противоборствующих сторон модернизировать существующую систему уголовных наказаний, а в целом повлиять на изменение пенитенциарной политики государства. Для решения существующих проблем в области совершенствования уголовных наказаний следует учитывать имеющийся как в национальной, так и в международной практике исторический опыт, а также использовать богатый исторический опыт разрешения проблем в Российской империи.

Ключевые слова: ссылка и каторга, Сибирь, преступность, несовершеннолетние, женщины на каторге.

Для цитирования

Хармаев Ю. В. К вопросу о совершенствовании современных уголовных наказаний в контексте дискуссий о дальнейшем использовании или отмене института ссылки и каторги в Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. Вып. 2. С. 11–17.

Как неоднократно отмечается в исследованиях, посвященных современной уголовной политике, среди наиболее важных направлений совершенствования национального законодательства выделяют уголовно-правовую отрасль, связанную с модернизацией и изменением системы наказаний.

Реформирование современного российского национального законодательства невозможно без учета и анализа богатого исторического опыта применения уголовных наказаний в Российской империи и советского государства. Институт ссылки и каторги существовавший XVII–XIX вв., до сих пор вызывает огромный интерес исследователей, чтобы выявить с их влиянием развитие отдельных направлений преступности. Криминологическую характеристику таких видов преступности, как организованная, коррупционная, рецидивная и др., практически невозможно привести без учета исторических аспектов их становления.

Ссылка и каторга как виды уголовного наказания в Российской империи XVII–XIX вв. существенно повлияли на криминальную обстановку, особенно в окраинных территориях. Также вплоть до наших дней такие наказания негативно отразились на каторжанской субкультуре, впоследствии использованной преступной средой в советские и постсоветские годы [8, с. 44; 9, с. 245].

На наш взгляд, в этом и заключается приверженность отдельной категории граждан Забайкалья, в том числе и молодежи, к различным существующим криминальным субкультурам. Подчеркнем, что деструктивные субкультуры содержат в себе многое из каторжанской субкультуры, к сожалению, не только сленг, жаргонные слова и тюремные песни [8, с. 44; 9, с. 245].

Во второй половине XIX в. в ученой среде, среди представителей передовой интеллигенции разгорелись жаркие споры и дискуссии по поводу дальнейшего использования или отмены в Российской империи института ссылки и каторги. Как всегда, были сторонники применения этих видов наказания, предлагавшие варианты совершенствования и модернизации ссылки и каторги на европейский манер. Противники этой позиции ратовали за немедленное искоренение таких видов наказания и приводили конкретные аргументы в подтверждение своих взглядов. Среди сторонников первой позиции были известные российские юристы — Н. С. Таганцев, Н. Н. Полянский, В. В. Есипов, Г. Евангулов и др. [6, с. 112]. Другую группу правоведов, добивавшихся полной отмены ссылки и каторги в качестве видов наказания в Российской империи, составляли такие уважаемые в обществе люди — С. К. Гогель, Д. А. Дриль, Л. И. Петражицкий, И. Я. Фойницкий и др. [10, с. 448].

Профессор императорского училища правоведения и Санкт-Петербургского университета, сенатор, член Государственного совета Н. С. Таганцев являлся сторонником сибирской ссылки. Какие же основные аргументы за модернизацию этого вида уголовного наказания он приводил? Во-первых, Н. С. Таганцев с 1881 г. был автором и разработчиком Общей и трех разделов Особенной части уголовного уложения, в том числе раздела «Посягательства государственные и против порядка управления» [3, с. 11]. Во-вторых, он доказывал позитивный характер существования ссылки в контексте реализации пенитенциарной политики, связанной со стратегическими интересами государства. В-третьих, Н. С. Таганцев критиковал исследователей ссылки и каторги (Джордж Кеннан) [1, с. 257] и ученых-правоведов (И. Я. Фойницкий), которые, по мнению автора, «сгущают краски», а недостатки, о которых они пишут, вполне устранимы и не имеют принципиального значения. Также, по мнению Н. С. Таганцева, именно ссыльные должны были способствовать социально-экономическому развитию окраинных территорий в свете колонизационной политики государства, учитывая малонаселенность и отдаленность восточных территорий Российской империи. Кроме этого, профессор наивно полагал, что ссылка наряду с ярко выраженной карательной особенностью содержат «важные исправительные моменты». По его мнению, в случае положительного поведения ссыльного возможно использование обширного перечня поощрительных действий, включая возможность не только улучшения положения, но и смягчения режима вплоть до применения условно-досрочного освобождения.

Справедливости ради необходимо указать, что Н. С. Таганцев все же приводит и критические замечания по поводу ссылки и каторги. Провал с организацией сахалинской каторги он связывает с отсутствием профессионализма чиновников,

ответственных за проведение пенитенциарной политики в совершенно новых местах. Ряд отмеченных им недостатков относятся в первую очередь к работе чиновников различных ведомств, отвечающих за ссылку и каторгу на местах, допускающих не только массовые побег, но и их бесконтрольность, также ученым отмечается дороговизна содержания самих осужденных, количество которых ежегодно увеличивается.

Следует все же обратить внимание на то, что противников модернизации ссылки и каторги оказалось больше, на наш взгляд, их аргументы более существенны и объяснимы. Например, Л. И. Петражицкий отмечал в своих исследованиях: первое — «ссылка должна быть признана вредной мерой с социальной точки зрения, с культурной точки зрения», второе — «автор сравнивает перенесение «нравственного яда» из одного региона в другой», наконец, третье — «с точки зрения экономики — совершенно неэффективна» [3]. Д. А. Дриль лично побывал в составе экспедиции на востоке страны в конце 21-го столетия, изучил проблемы, связанные с организацией ссылки и каторги на местах. По его мнению, преступники со всей европейской части России массово и организованно отправляются в окраинные территории, где пагубно влияют на нравственную и моральную сторону жизни местного населения, принося в конечном счете гораздо больший вред государству [2, с. 11].

Помимо российских правоведов на пороки и недостатки ссылки и каторги как видов уголовного наказания указывают и другие исследователи, в том числе известные русские писатели. А. П. Чехов в конце XIX в. побывал на Сахалине. По итогам путешествия знаменитым русским писателем был подготовлен труд «Остров Сахалин», явно отличающийся от прежних его художественных произведений. Подчеркнем, что, не являясь юристом, А. П. Чехов очень точно с криминологической точки зрения привел подробное описание обитателей сахалинской каторги. Раскрыл ряд элементов предмета криминологии: состояние преступности (количественные и качественные характеристики); личность преступника; причины отдельных видов и категорий преступлений. Можно также отметить труды других известных писателей и исследователей — Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома», С. В. Максимова «Сибирь и каторга», В. М. Дорошевича «Сахалин (каторга)», которые подвергли критике пенитенциарную политику Российского государства в связи с использованием таких наказаний, как ссылка и каторга [8, с. 40].

Современник С. В. Максимова автор работы «Сахалин как колония» А. А. Панов привлекает внимание читателей не только экономическими исследованиями, где отмечаются трудности в колонизации острова [4]. Вызывает наш интерес 5-я глава указанного труда, посвященная криминологическим аспектам (в частности, социально-демографическая характеристика населения острова; состояние и тенденции преступности на острове; социально-негативные явления, связанные с преступностью (алкоголизм на Сахалине, роль женщин на острове; продажа детей и проституция на Сахалине); вопросы проведения профилактических мероприятий на острове). По мнению автора, «самым слабым пунктом жизни Сахалина является семейный быт его обитателей. На сто взрослых мужчин там приходится всего 19,5 взрослых женщин, и такое несоответствие полов весьма вредно отражается на нравственности населения» [4, с. 193]. Отмеченная диспропорция по половому признаку вынуждает администрацию каторги находить способы распределения

незначительного числа женщин среди мужского состава острова. При этом женщина выступала как неодушевленный предмет при проведении «конкурсов» среди каторжан, а позже, 31 декабря 1895 г., инструкцией предусматривается определенная процедура получения первой: «заявление ссыльнопоселенцев о желании получить в помощь ссыльную женщину для совместного ведения домохозяйства» [4, с. 194].

Проблемы незаконного сожительства, а далее проституции на острове возникали, прежде всего из-за социально-экономического положения женщин. Преступницы не могли трудиться наравне с мужчинами; служащим чиновникам в соответствии с уставом запрещали нанимать женщин на работу; отсутствовали другие возможные заработки. При этом следует отметить, что большинство женщин, отправленных на каторгу, не отличались примерным поведением, они были осуждены за особо опасные преступления (убийства, поджоги и др.). «В своем докладе доктор Поддубский говорит, что отправить женщину на поселье «равносильно осуждению на самую необузданную проституцию, так как в таких селениях на 50–80 одиноких мужчин приходится от 2 до 5 женщин»¹. А. А. Панов далее отмечает: «В одном селении, где на 30 поселенцев и 6 солдат было всего только 4 женщины, одна из них обратилась к доктору за советом. Она найдена была очень истощенной и, по расспросам, оказалось, что ежедневно она имела не менее 20 сношений с мужчинами» [4, с. 197].

Особые страдания причинялись несовершеннолетним, оказавшимся на каторге вместе с родителями. «Нарушение супружеской верности в сожительстве ради куска хлеба с посторонним мужчиной и даже торговля собой по обоюдному согласию супругов не есть еще последняя степень падения. Нищета доводит иногда до того, что родители продают или отдают в сожительство своих малолетних дочерей, чтобы только избавиться от лишнего рта. Девочки 12–13 лет нередко становятся матерями и открыто живут на содержании у тюремных надзирателей, писцов и различных чинов администрации» [4, с. 203].

А. А. Панов резюмирует, что в результате бездарной пенитенциарной политики властей российское общество в целом получит криминальное влияние не только через самих каторжан, ссыльнопоселенцев, сколько через их потомство, детей. «Говорят, что в лице сахалинских детей растет новая каторга. Сахалинского ребенка окружает только каторга, и представления о мире, человеческих отношениях в нем, заимствуют свои краски только из каторги. Они дышат ею и вместе с воздухом воспринимают все отрицательные ее явления. Гнет, насилие, всякое унижение человеческой личности, кровавые преступления, свидетелем которых сахалинскому ребенку иногда приходится быть, — вот те впечатления, которые окружают его с первых дней появления его на свет и на которые он привыкает смотреть как на естественный порядок жизни. Не вправе ли мы опасаться, что дети превзойдут родителей? Ведь если последних жизнь случайно толкнула на преступление, то первые растут в его атмосфере и иной атмосферы не знают. Подрастая, питомцы этой сахалинской нищеты идут на материк и несут туда все убожество своей души, плод сахалинской каторжной культуры. Это бессознательные мстители за уродство сахалинской жизни. Каждый год, стараясь оградить себя от опасных элементов, материк высылает на Сахалин своих преступников, но вместо них

¹ Тюремный вестник. СПб., 1901. № 6. С. 278.

Сахалин шлет на материк их детей, гораздо в большем числе и еще более одичалых» [4, с. 212].

Джордж Кеннан в своем исследовании «Сибирь и ссылка» также затрагивает негативные нравственные стороны ссылки и каторги, которые связаны с женами и детьми, последовавшими на каторгу за преступниками-мужьями. «Учреждением института «свободных команд» правительство надеялось достигнуть нравственного улучшения каторжников, но, на мой взгляд, результаты не оправдали этой надежды: «свободная команда» способствует лишь большому развитию разврата, пьянства и других пороков. Обычай позволять женам и детям каторжников следовать в ссылку за главой семьи лишь способствует деморализации. ...В поселениях ссыльных даже те женщины и девушки, которые остались нетронутыми пороками в 200–300 переполненных этапных тюрьмах, начинают предаваться разгульной и развратной жизни» [1, с. 323].

Также подчеркнем негативное влияние ссыльнокаторжан на менталитет и поведение местного населения (инородцев и русских сибиряков) [8, с. 41]. Устав о ссыльных от 1822 г. предусматривал инородцам и сибирским крестьянам принимать в свои поселения не самую лучшую часть общества, бывших ссыльных и каторжан. В результате имущественных и иных посягательств местному населению со стороны «поселенцев» приходилось вступать в серьезные конфликты, вплоть до применения насилия и причинения им вреда жизни и здоровью. Таким образом, постепенно у местных жителей формировались такие же преступные стереотипы поведения, и невольно создавалась благоприятная почва для появления и распространения «местной» преступности [8, с. 42].

Вацлав Серошевский отмечает, что сосланные семейные поселенцы в инородческие улусы представляют опасность не только своим наглым поведением, сколько формируют у местного населения такие же вредные привычки и преступные наклонности. «Поселенец такой живет настоящим «барином» на взгляд содержащей его инородческой, вечно голодной нищеты. Он мало работает и требует себе почета от людей, за счет которых кормится. Жилище его делается обыкновенно игорным домом и притоном бродячих и местных преступных элементов. В этих притонах образуются шайки конокрадов, дорожных грабителей, держащих в ужасе иногда весь округ. Якуты боятся и ненавидят «посельщиков», признают вредное их влияние на своих сородичей, у которых последние учатся организованному воровству и разбоям. Изредка доведенные до отчаяния инородцы жестоко мстят мучителям» [7, с. 222]. Далее подчеркивается автором, что поселенцы, сосланные поодиночке, не представляют большой угрозы, но там, где их несколько, особенно в городах и крупных поселениях, организуются шайки и отравляют своими преступным поведением окружающее население. «Ни один крупный грабеж, убийство, воровство в Сибири не обходится без переселенческой закваски. Ссыльные являются начальниками, организаторами и учителями всякого рода татей. А те поселенцы, которые приобрели оседлость или занялись ремеслом, торговлей, извозом, являются всегда почти пособниками, укрывателями, притонщиками и покупщиками краденого. Да иначе быть не может. Крепко привитая в остроге арестантская мораль обязывает их покрывать товарища, дать ему приют, помочь в беде с деньгами, пищей, указаниями. Иначе ему самому угрожает опасность быть убитым и спаленным ими» [7, с. 223].

Подводя итог, В. Серошевский отмечает: «Понятно, почему туземцы, — инородцы и русские сибиряки — так подозрительно и враждебно относятся к попыткам ссыльных основаться, устроиться; почему препятствуют им в этом. Более удобным они для себя находят тот прием по отношению к носителям преступных наклонностей, какой практикует власть в Европейской России: возможно быстрое удаление их прочь из своей среды. Это, несомненно, способствует развитию бродяжничества» [7, с. 225].

В заключение отметим, что для решения существующих проблем в области совершенствования уголовных наказаний следует все же учитывать имеющийся исторический опыт как в национальной, так и международной практике, а также использовать богатый исторический опыт разрешения подобных проблем в истории Российской империи, советского и постсоветского периода.

Литература

1. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: пер. с англ. СПб.: Издание В. Врублевского. 1906. 458 с.
2. Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России: из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1898. С. 11.
3. Иванов А. А., Щербаков Н. Н. Проблемы уголовной и политической ссылки в Сибирь в работах отечественных правоведов второй половины XIX — начала XX в. // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2. С. 11–19.
4. Панов А. А. Сахалин, как колония: очерки колонизации и современного положения Сахалина. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1905. 234 с.
5. Петражицкий Л. И. Ссылка преступников с точки зрения культуры, колонизационной и социальной политики // Право. 1899. № 20. С. 1003–1006.
6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. 773 с.
7. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь: ее современное состояние и ее нужды: сб. ст. / под ред. И. С. Мельника; изд. А. Ф. Девриена. СПб., 1908. С. 201–233.
8. Хармаев Ю. В. Уголовная ссылка как негативный фактор влияния на менталитет местного населения в Российской империи в XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. Вып. 1. С. 38–44.
9. Хармаев Ю. В. Влияние ссылки и каторги на распространение криминальной субкультуры среди местного населения окраинных территорий Российской империи XIX века // Уголовная ответственность и наказание: сб. материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2018. С. 239–245.
10. Фойницкий И. Я. Управление ссылки // Сборник юридических статей. СПб.: б.и., 1900. Т. 2. С. 448–540.

ON THE QUESTION OF IMPROVING MODERN CRIMINAL PENALTIES IN THE CONTEXT OF DISCUSSIONS ON THE FURTHER USE OR CANCELING OF THE INSTITUTE OF LINKS AND CATORGA IN THE RUSSIAN EMPIRE

Yuri V. Kharmaev

Cand. Sci. (Law), A/Prof., Head of Criminal Procedure
and Criminalistics Department,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
kharmaev@mail.ru

At the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, heated debates resumed in the Russian Empire about the need to abandon or finally abolish the institution of exile and hard labor as a form of punishment. The heated discussions attracted the attention of not only lawyers, but also the advanced part of society (the intelligentsia), including the famous Russian writers A.P. Chekhov, F.M. Dostoevsky, V.M. Doroshevich, S.V. Maksimova and others. In their works, the authors voluntarily or involuntarily reflected the influence of the existence of exile and hard labor on the state of Russian society, both in the country as a whole and in specific outlying territories (Siberia, Transbaikalia, Sakhalin). The arguments for and against the institution under consideration clearly show the desire of the opposing parties to make an attempt to modernize the existing system of criminal punishments, and in general to influence the change in the state's penitentiary policy. To solve modern problems in the field of improving criminal penalties, the existing historical experience should be used more widely, both in national and international practice. For this, there is a rich historical experience in solving problems in the Russian Empire.

Keywords: exile and hard labor, Siberia, crime, minors, women in hard labor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2020; одобрена после рецензирования 30.11.2020; принята к публикации 19.12.2020.